

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 3. С. 96–113.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 3. P. 96–113.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-3-96-113

КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ А. С. ПУШКИНА (ЭТЮД С. Л. ФРАНКА «ПУШКИН КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ»)

Алексей Алексеевич Гапоненков

Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия, garonenkovaa@sgu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2177-1835>

 Аннотация. В цикле «Этюд о Пушкине» С. Л. Франка статья 1937 года о политическом мировоззрении поэта занимает исключительно важное место и необычайно актуальна для нашего времени. Мало кому из пушкинистов удалось последовательно, многослойно, концептуально выстроить политическую биографию Пушкина, а затем систематизировать консервативные и либеральные тенденции в его творчестве с учетом духовного и психологического состояния поэта, не сбиваясь на заведомо идеологическую ангажированность текущего исторического момента. Но вначале, еще в 1933 году, Франк анализировал *религиозность Пушкина*. Как это и полагается философу и религиозному мыслителю, автор опознал духовный мир поэта во всей его целостности, становлении и развитии, в контрасте противоречивых чувств, «возбуждений» и событий творческой жизни и пришел к пониманию одновременности духовного и политического *созревания* Пушкина. Анализируемый этюд Франка

© Гапоненков А. А., 2024

содержит в себе сложные, до конца не проясненные историками литературы реалии пушкинского текста, в которых (по отношению к ним) просматривается разность подходов дореволюционного и советского пушкиноведения. Это касается текстологических проблем (Франк читает Пушкина, цитирует его по изданиям П. О. Морозова, С. А. Венгерова, В. И. Сайтова и свою работу пишет по старой орфографии), датировок, адресатов писем, но самое важное — философ смотрит *иначе* на привычные вопросы изучения «советского Пушкина»: вольнолюбивые и антирелигиозные мотивы, поэт и царь, Пушкин и декабристы, историзм, народность, царизм и революционное движение. Для Франка на первый план выходят такие понятия, как духовный тип, религиозность, консервативные тенденции, политический радикализм, монархия в народном сознании, государственная зрелость, национально мыслящие исторические личности, родовое дворянство, культ домашнего очага, «семейственная неприкосновенность», свобода культурного и духовного творчества.

Ключевые слова: Пушкин, С. Л. Франк, биография, творчество, периодизация, политическое мировоззрение, консерватизм и либерализм, либеральный консерватизм, русская история, православие, дворянство, Романовы, поэт и царь, декабристы, пушкиноведение, текстология

Ссылка для цитирования: Гапоненков А. А. Концепция политического мировоззрения А. С. Пушкина (этюд С. Л. Франка «Пушкин как политический мыслитель») // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 3. С. 96–113. doi:10.17323/2658-5413-2024-7-3-96-113.

Literature. Philosophy. Religion

THE A. S. PUSHKIN CONCEPT OF POLITICAL WORLDVIEW
(S. L. FRANK'S ETUDE "PUSHKIN AS A POLITICAL THINKER")

Alexey A. Gaponenkov
Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky,
Saratov, Russia, gaponenkovaa@sgu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2177-1835>

Abstract. In the cycle of “Etudes on Pushkin” by S. L. Frank, the 1937 article on the poet's political worldview occupies an exceptionally important place and is

unusually relevant for our time. Few Pushkin scholars have managed to consistently, multi-layered, conceptually construct a political biography of Pushkin, and then systematize the conservative and liberal tendencies in his work, taking into account the spiritual and psychological state of the poet, without straying into the obviously ideological commitment of the current historical moment. But at the beginning, back in 1933, Frank analyzed *Pushkin's religiosity*. As befits a philosopher and religious thinker, the author recognized the poet's spiritual world in all its integrity, formation and development, in the contrast of contradictory feelings, "excitements" and events of his creative life, and came to an understanding of the simultaneity of Pushkin's spiritual and political *maturation*. The analyzed essay by Frank contains complex realities of Pushkin's text, not fully clarified by literary historians, in which (in relation to them) the difference in approaches of pre-revolutionary and Soviet Pushkin studies is visible. This concerns textual problems (Frank reads Pushkin, quotes him from the editions of P. O. Morozov, S. A. Vengerov, V. I. Saitov and himself writes according to the old spelling), dating, addressees of letters, but most importantly — the philosopher looks *differently* at the usual questions of studying the "Soviet Pushkin": freedom-loving and anti-religious motives, the poet and the tsar, Pushkin and the Decembrists, historicism, nationality, tsarism and the revolutionary movement. For Frank, such concepts as spiritual type, religiosity, conservative tendencies, political radicalism, monarchy in the national consciousness, state maturity, nationally minded historical figures, hereditary nobility, the cult of the hearth, "family inviolability", and freedom of cultural and spiritual creativity come to the fore.

Keywords: Pushkin, S. L. Frank, biography, creativity, periodization, political worldview, conservatism and liberalism, liberal conservatism, Russian history, Orthodoxy, nobility, Romanovs, poet and tsar, Decembrists, Pushkin studies, textual criticism

For citation: Gaponenkov, A. A. (2024) "The A. S. Pushkin Concept of Political Worldview (S. L. Frank's Etude 'Pushkin as a Political Thinker')", *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(3), pp. 96–113. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2024-7-3-96-113.

Инициатором выхода этого этюда С. Л. Франка отдельным изданием в Белграде был П. Б. Струве [Франк, 1937]. Он же просматривал, правил окончательную корректуру статьи, о чем уведомил в письме к Франку 14 февраля 1937 года из Белграда в Берлин: «Посылаю тебе титульный лист твоей брошюры, которая так удачно откроет серию. В твоём тексте я сделал

ничтожные исправления, не посягающие на твою мысль — ты их, вероятно, даже не заметишь. Из-за спешки нельзя было послать тебе корректуру. Я думаю, что ты и моим предисловием и моими добавлениями не будешь недоволен» [Письмо П. Б. Струве к С. Л. Франку, 14 февраля 1937]. Серия называлась «Вопросы истории и культуры».

Спустя полгода, 19 июля, Струве сообщил о выходе рецензий на это издание и одобрительных отзывах о нем высших православных иерархов в Белграде, русской зарубежной и югославянской церквей — митрополита Анастасия (Грибановского), духовного писателя, автора работ о Пушкине, и патриарха Варнавы: «Посылаю тебе вырезку из белградской газеты [“Русский Голос”], всегда запаздывающей приблизительно на полгода, с рецензией о твоей брошюре. Была еще весьма благоприятная рецензия в парижском “Часовом”¹ и довольно нелепая проф. Зеньковского в парижском русском издании УМСА [“Вестник. Орган церковно-общественной жизни”]². В. А. Маклаков тоже собирается, как он писал мне, написать рецензию о твоей брошюре, которая ему очень понравилась. Автор рецензии в “Русск[ом] Гол[осе]” очень милый старичок, по своему высшему образованию — богослов (кандидат СПб. Духовной академии и скорее товарищ, чем ученик † митр. Антония)³. Лично меня благодарили письмами за присылку твоей брошюры митр. Анастасий и Патриарх Варнава. Как ты видишь, *succès d’estime* [ценный успех (*фр.*)] у некоторой части весьма культурной публики ты имеешь» [Письмо П. Б. Струве к С. Л. Франку, 19 июля

¹ «Часовой: орган связи русского воинства и национального движения за рубежом. Двухнедельный журнал» (ред.-издатель В. В. Орехов. Париж; Брюссель, 1929–1988). См. заметку без подписи в рубрике «Книжная полка»: «Брошюра С. Л. Франка представляет собой крайне любопытную и вполне удавшуюся автору попытку определить политическое мирозерцание нашего великого поэта. Книжка вышла весьма вовремя в юбилейные дни и хорошо, что вышла, т. к. именем Пушкина пользуются все, вплоть до большевиков, и ложно выставляют его каким-то предтечей революции. С. Л. Франк неумолимо логично разбивает эту клевету. Весьма ценно и выпукло предисловие П. Б. Струве. Брошюра эта должна в этот юбилейный год широко распространяться» [Часовой, 1937, № 193, с. 15].

² Речь идет о библиографической заметке без подписи в журнале, который редактировал профессор В. В. Зеньковский. См.: «Нельзя однако скрыть, что очерк С. Л. Франка вызывает некоторое недоумение: зачем понадобилось так *преувеличивать* значение тех (бесспорно интересных, но все же беглых) политических суждений, которые высказывал Пушкин? Эти суждения изобличают несомненно большую зрелость, а главное — ум Пушкина, но всего этого недостаточно, чтобы превратить его в “политического мыслителя”» [Вестник, 1937, № 3–4, с. 33].

³ Скорее всего, это Александр Александрович Никольский (1864–1942) — сотрудник данной белградской газеты, писавший о Пушкине. «Русский Голос. Национальная, общественная и военная еженедельная газета» (Белград, 1931–1941. № 1–522). Митрополит Антоний (Храбровицкий) — глава Архиерейского собора и Синода Русской соборной зарубежной церкви (Сербия, Сремские Карловцы), скончался в 1936 году. Не все библиографические данные пока удалось установить. В задачу нашей статьи не входит обзор рецензий, круг авторов которых, учитывая в целом «Этюды о Пушкине» (В. В. Зеньковский, М. М. Карпович, Ю. Терапиано, К. Фотиев, М. Альтшуллер и др.), нуждается в отдельном исследовании.

1937]. Чем же привлекла вышедшая брошюра Франка о Пушкине консерваторов и правых либералов во главе с В. А. Маклаковым, председателем Центрального Пушкинского комитета в Париже?

Франк предпослал краткому «очерку» становления политического мировоззрения Пушкина несколько важнейших тезисов. К сожалению, поэт «не оказал почти никакого влияния на историю русской мысли, русской духовной культуры» [Франк, 1990, с. 397]. А *пушкинским духовным типом* интересовались, пожалуй, только два мыслителя — Д. С. Мережковский («Вечные спутники») и М. О. Гершензон («Мудрость Пушкина»). Политическое мировоззрение поэта стало предметом поздней статьи «первого пушкиниста» — П. В. Анненкова — «Общественные идеалы Пушкина» [Вестник Европы. 1888. № 6. С. 595–637] и очерка критика и социолога В. В. Водовозова из венгерского издания Пушкина [Водовозов, 1915]. Почему же общественно-политическая мысль «молча проходила мимо Пушкина» [Франк, 1990, с. 397]? Это объясняется многими направлениями, которые можно объединить общим понятием «освободительное движение»: «...вплоть до революции 1917 года русская политическая мысль шла путями совершенно иными, чем политическая мысль Пушкина» [Франк, 1990, с. 397]. На что обращали внимание, ссылались пушкинисты, литературные критики, исследователи и педагоги? Это вольнолюбивая лирика, «гуманный дух» его поэзии, политические преследования царизма. Франк же без сомнения называет Пушкина «величайшим русским политическим мыслителем XIX века» [Франк, 1990, с. 398]⁴.

Какие периоды пушкинской биографии определено повлияли на выработку политического мировоззрения? Лицей? Петербург? Франк больше всего останавливается на двух южных этапах — кишиневском (1820–1823) и одесском (1823–1824), на ссылке в Михайловское (1824–1826). С 1826–1827 годов «политическое мировоззрение Пушкина существенно уже не изменялось», за исключением «некоторого усиления консервативной тенденции после 1831 г.» [Франк, 1990, с. 409]⁵.

Из детства и ранней юности Пушкин вынес память о «патриотическом возбуждении» 1812 года, возвращении императора Александра I и русской армии после заграничного похода и взятия Парижа. Знакомство с европейскими цен-

⁴ См.: «Именно политическое мировоззрение русского поэта стало одним из открытий франковского “познания Пушкина”...» [Аляев, 2020, с. 226].

⁵ Т. Г. Мальчукова уточняет «окончательный поворот Пушкина к “трезвому консерватизму” и признанию ценности самодержавной монархии в России» началом 1825 года: «В это время Пушкин работал над драмой “Борис Годунов”, в феврале — марте было написано стихотворение “Андре Шенье”, а в октябре 1825 года стихотворение “19 октября” с прощением Александру... (...) “Ура, наш царь! так! выпьем за царя...”» [Мальчукова, 2012, с. 73].

ностями вызвало в офицерской среде «политическое брожение и либеральное возбуждение» [Франк, 1990, с. 399]. В 1816 году в доме Карамзина в Царском Селе Пушкин знакомится с блестящим гусарским офицером и интеллектуалом Петром Чаадаевым, который становится его «наставником». Франк фиксирует «первое политическое умонастроение» поэта — «патриотический подъем с довольно неопределенными “вольнлюбивыми мечтами”» [Франк, 1990, с. 399]. Цитирует неоконченный «Роман в письмах» Пушкина: в 1818 году «строгость правил и политическая экономия были в моде» [Пушкин, 1959–1962, т. 5, с. 487]⁶. Речь, конечно же, шла об Адаме Смите, которого читает Онегин. В это же время Николай Тургенев в записке поднимает вопрос об освобождении крестьян. «“Строгость нравов”, — поясняет Франк, — при темпераменте Пушкина, конечно, не имела особого влияния на его тогдашнюю жизнь. “Вольнлюбивые мечты”, напротив, соединялись в ту пору у Пушкина, как известно, с буйным молодым весельем и в этом слое душевной жизни явно не имели серьезного значения» [Франк, 1990, с. 400]. Внешнее «вольнодумство» вылилось и в серьезные «вольнлюбивые мечты» о положении крестьян в «Деревне», «обломки самовластья» [Пушкин, 1959–1962, т. 1, с. 65] в первом послании к Чаадаеву, ограничение монархии «вечным законом», конституцией в «Вольности». Франк называет эти политические идеалы «довольно умеренными» [Франк, 1990, с. 400].

Поэт впадал и в меланхолию, его мечты охладели. Во втором послании к Чаадаеву из Крыма в 1820 году⁷ он говорит о «сердце, бурями смиренном» [Пушкин, 1959–1962, т. 2, с. 56]. Только кишиневский период жизни Пушкина обнаруживает у поэта черты настоящего *политического радикализма*, страстных политических интересов. В Каменке поэт беседует с «умами оригинальными» в обществе Раевских и Давыдовых, членов «Союза благоденствия», впоследствии «Южного общества». В Кишиневе Пушкин увлеченно обсуждает греческое восстание в письме к А. Н. Раевскому (март 1821 года)⁸. Поэт в дневнике

⁶ В нашей статье сочинения и письма Пушкина цитируются по [Пушкин, 1959–1962]. Пушкинские цитаты из статьи Франка проверены и исправлены по этому изданию. Франк пользовался различными дореволюционными собраниями произведений и писем Пушкина, цитируя его по старой орфографии.

⁷ Франк датирует это стихотворение по дореволюционному источнику, см., например, в издании П. О. Морозова: «Чаадаеву (С морского берега Тавриды)» [Пушкин, 1909, т. 1, с. 267–268], однако советские пушкинисты относят его к 1824 году (см.: [Пушкин, 1959–1962, т. 2, с. 672]) вопреки свидетельству самого поэта в «Отрывке из письма к Д.».

⁸ Все цитаты из писем Пушкина и их даты Франк приводит по изданию: Сочинения Пушкина. Переписка: В 3 т. / под ред. и с примеч. В. И. Саитова. Издание Императорской академии наук. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1906–1911. В. И. Саитовым сохранены пушкинская орфография и пунктуация, полностью приводятся черновые редакции рядом с беловыми, опубликованы письма корреспондентов Пушкина.

(запись от 9 апреля 1821 года) называет радикала Пестеля «умным человеком во всем смысле этого слова», «он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...» [Пушкин, 1959–1962, т. 7, с. 304]. О масонстве Пушкина Франк приводит слова самого поэта из его письма В. А. Жуковскому (20 января 1826 года): «был масон в Кишиневской ложе, то есть в той, за которую уничтожены в России все ложи» [Пушкин, 1959–1962, т. 9, с. 223].

Подробно Франк останавливается на характеристике «Исторических замечаний» Пушкина 1822 года, в собраниях сочинений советского времени публиковавшихся под заглавием «О русской истории XVIII века». Здесь впервые у поэта звучит «нота восхищения Петром», пока умеренное прославление «северного исполина» в противопоставлении его «ничтожным наследникам» [Франк, 1990, с. 401]. Пушкин особенно резко высказывается о Екатерине II, подробно перечисляя ее порочность, жестокость, преследования и гонения не только независимых мыслителей (Н. И. Новикова, А. Н. Радищева, Я. Б. Княжнина), но и духовенства и монашества, «которому Россия обязана “нашей историей, следственно и просвещением” [Пушкин, 1959–1962, т. 7, с. 195]» [Франк, 1990, с. 401]. Никогда позднее Пушкин не пишет так презрительно о Екатерине II: «Развратная Государыня развратила и свое государство» [Пушкин, 1959–1962, т. 7, с. 194]. Павла I Пушкин сравнивает с Калигулой, как и в оде «Вольность»: «За сими страшными стенами, / Калигулы последний час / Он видит живо пред очами...» [Пушкин, 1959–1962, т. 1, с. 46]. Оба императора, римский и российский, были убиты ближайшим окружением в результате дворцового переворота. А в конце замечаний Пушкин приводит «славную шутку г-жи де Сталь»: «Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкой» [Пушкин, 1959–1962, т. 7, с. 195] (это перевод самого поэта с французского). Франк заключает: «Умонастроение его, как оно выражено в “Исторических замечаниях”, проникнуто моральным негодованием против власти и в этом смысле носит отпечаток *политического радикализма*» [Франк, 1990, с. 401–402].

Но не только это отмечает философ. В «Исторических замечаниях» он обнаруживает одну мысль, которую Пушкин *не будет разделять впоследствии*, — «идею антилиберального “народнического” демократизма»: «При всем своем отрицании самодержавия (в 1822 году! — А. Г.), Пушкин выражает удовлетворение, что аристократические попытки его ограничения в XVIII веке не удались, и что “хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож” — что “спасло нас от чудовищного феодализма”. Благодаря этому все классы общества теперь объединены “против общего зла”» [Франк, 1990, с. 402]. Прочитав это, надо привести трактовку «Исторических замечаний» советскими пушкиноведами. Б. В. Томашевский в работе «Историзм Пушкина»: в записке

«содержится одна историческая идея, которой Пушкин остается верен и тогда, когда коренным образом меняет свои исторические взгляды. Он доказывает, что самодержавие Петра до какой-то поры являлось прогрессивным историческим фактором, так как противостояло притязаниям крупных феодалов на еще большее и прочное закрепощение крестьянства». Исследователь категоричен: «Пушкин выдвигает декабристскую программу, состоящую из двух пунктов: представительное правление и отмена крепостного права» [Томашевский, 1990, с. 146]. Ю. Г. Оксман в комментариях к публикации «записки» в собрании сочинений Пушкина осторожнее Томашевского в оценках: «Концепция записки очень близка суждениям декабристов» [Пушкин, 1959–1962, т. 7, с. 391]. Франк вообще не упоминает «декабристскую» концепцию. Ныне в исторической науке возобладала тенденция «декабристами» называть непосредственных участников восстания на Сенатской площади, отказавшись от широкого толкования декабризма.

Радикальное умонастроение Пушкина начало меняться в Одессе в сторону более трезвых взглядов. Стихотворение «Свободы сеятель пустынный...» (1823) выражает разочарование в проповеди свободы. В письме к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 года Пушкин приводит строку из оды «На смерть Наполеона» 1821 года («И миру вечную свободу / Из мрака ссылки завещал»), говоря: «это мой последний либеральный бред» [Пушкин, 1959–1962, т. 9, с. 84]. Он разочаровывается в греческом восстании на основании встреч с его участниками, поражаясь в «новых Леонидах» их бесчестности и трусости, что незамедлительно становится известным в кругу друзей поэта в Петербурге. В письме к А. Н. Раевскому в июне 1824 года Пушкин «оправдывается», нападая: «Когда что-нибудь является общим мнением, то глупость общая вредит ему столь же, сколько единодушие ее поддерживает» [Пушкин, 1959–1962, т. 9, с. 108]⁹. Франк не забывает напомнить «веховский» диагноз диктатуры общественного мнения: «Мы имеем в этих словах первое нападение поэта на ходячий тип русского либерального общественного мнения — в известном смысле пророческий в отношении позднейшей формации русской радикальной интеллигенции» [Франк, 1990, с. 403].

На Пушкина в Одессе оказывает влияние, как считает Франк, религиозный писатель и дипломат Александр Скарлатович Стурдза (1791–1854). Он был сыном

⁹ В собраниях сочинений Пушкина эти слова печатают в письме к В. Л. Давыдову (?) с датировкой: июнь 1823 — июль 1824 года, Кишинев — Одесса. Как видим, у Франка другой адресат — А. Н. Раевский, как в дореволюционных собраниях: А. Н. Раевскому (? черновое), Одесса, июнь 1824 года. Письмо это публикуется с недошедшего до нас подлинника в переводе с французского [Пушкин, 1909, т. 8, с. 68–69, 443]. О сомнениях по поводу адресата письма см. в комментариях Б. Л. Модзалевского: [Пушкин, 1926, с. 323].

молдавского боярина и внуком по матери господаря Константина Мурузи, великолепно образованным, знатоком шести языков, в том числе древних. Участник войны с Наполеоном, Александр Стурдза был драгоманом (переводчиком) на Венском конгрессе (1815), чиновником Министерства иностранных дел с 1809 по 1830 год. Автор записок для конгрессов в Аахене (1818), Троппау (1820) и Лайбахе (1821). Служил и при Министерстве народного просвещения (с 1816 года), член Ученого комитета. Цензурировал учебные книги и написал новую инструкцию для учебных заведений, отстаивая христианское благочестие, гуманитарные науки и древние языки. Считал германские университеты рассадником атеизма и революционного духа. С конца 1821 года Стурдза жил в Одессе, получив бессрочный отпуск для поправки здоровья. Там он пишет записку о греческом восстании «La Grèce en 1821 et 1822», изданную в Лейпциге в 1822 году.

Вот с таким удивительным человеком Пушкин беседует в Одессе о Греции и Евангелии у сестры Стурдзы графини Роксандры Эдлинг, светской львицы одесского общества, любимой фрейлины императрицы Елизаветы Алексеевны. В нее влюблен дипломат граф Иван Каподистрия, покровитель Стурдзы. Еще недавно, в 1819 году, Пушкин сочинил на него эпиграмму: «Вкруг я Стурдзы хожу, / Вкруг библического, / Я на Стурдзу гляжу / Монархического» [Пушкин, 1959–1962, т. 1, с. 470]. А теперь он ведет с ним разговор, сообщая П. А. Вяземскому 14 октября 1823 года: «Здесь Стурдза монархический; я с ним не только приятель, но кой о чем и мыслим одинаково, не лукавя друг перед другом» [Пушкин, 1959–1962, т. 9, с. 73]. Мыслят консервативно!

Даже в известном «легкомысленном» письме 1824 года об атеизме («беру уроки чистого афеизма» [Пушкин, 1959–1962, т. 9, с. 96]), адресованном, вероятно, В. К. Кюхельбекеру (?) из Одессы¹⁰, «слышны — обыкновенно незамечаемые — ноты умонастроения, идущие в разрез с ходячим мировоззрением “просветительного” либерализма, влияние которого Пушкин испытал в ранней молодости» [Франк, 1990, с. 404]. А Н. И. Кривцову в письме в Тулу (октябрь — ноябрь 1823 года) поэт задает вопрос: «Правда ли, что ты стал аристократом? — Это дело. Но не забывай демократических друзей 1818 года... *Все мы переменились* (курсив Франка. — А. Г.)» [Пушкин, 1959–1962, т. 9, с. 80]¹¹. Переменился идейно и сам Пушкин.

Пребывание в Михайловском в 1824–1826 годах, по Франку, это «эпоха решающего духовного созревания поэта» и «созревание политическое» [Франк,

¹⁰ Это письмо полностью не сохранилось, известна лишь выписка, сделанная полицией из перехваченной корреспонденции. Именно за «крамольные» строки из этого письма Пушкина выслали из Одессы в Михайловское.

¹¹ Франк ошибочно думал, что это письмо отправлено позднее из Михайловского.

1990, с. 404]. Ключевая мысль! Поначалу Пушкин глубоко уязвлен опекой правительства и своего отца, «горечью проникнуто и его политическое умо-настроение» [Франк, 1990, с. 404]. Он ищет выход из сложившейся ситуации, продолжает мечтать о бегстве за границу в письме к П. А. Плетневу (4–6 декабря 1825 года): «Что мне в России делать?» [Пушкин, 1959–1962, т. 9, с. 220]. Но Пушкин все более углубляется в работу над «Борисом Годуновым», как считает Франк, «главным памятником» его консерватизма. Основой этого направления мыслей после изучения истории Смуты является убеждение, что «монархия есть в народном сознании фундамент русской политической жизни» [Франк, 1990, с. 405].

Франк приводит целый ряд суждений Пушкина о декабрьском восстании и его подавлении, о революции вообще. «Хотя он волнуется и страдает за участь своих друзей, он все же далек от солидаризации с их политическими страстями» [Франк, 1990, с. 405], — продолжает философ, цитируя письма Пушкина В. А. Жуковскому (20 января 1826 года), А. А. Дельвигу (февраль 1826 года) и П. А. Вяземскому (10 июля 1826 года): «Бунт и революция мне никогда не нравились...» [Пушкин, 1959–1962, т. 9, с. 235]. В целом «уничтожающую» оценку декабризма Франк находит в 10-й главе «Евгения Онегина»: «Сначала эти заговоры / Между Лафитом и Клико / Лишь были дружеские споры, / И не входила глубоко / В сердца мятежная наука, / Все это было только скука, / Безделье молодых умов, / Забавы взрослых шалунов...» [Пушкин, 1959–1962, т. 4, с. 198]. «Сложность» отношения Пушкина к декабристам Франк всячески подчеркивает, но не разделяет сложившиеся мифы об их взаимоотношениях. Поэт в ранней молодости огорчался, что заговорщики не включают его в свои ряды. Франк опровергает мысль, что причиной этого было «недоверие» «за легкомыслие» Пушкина: «...мало ли легкомысленных и даже прямо морально недостойных людей было в составе заговорщиков!» [Франк, 1990, с. 406]. Друзья Пушкина «с чуткостью, за которую им должна быть благодарна Россия», уловили дух Пушкина, противящегося всяким заговорам. Он в письме Дельвигу сожалеет об участи друзей, надеется на великодушие царя и призывает взглянуть на трагедию восстания «взглядом Шекспира» [Пушкин, 1959–1962, т. 9, с. 225]. На что Франк замечает: «Уже тогда в Пушкине, очевидно, выработалась какая-то совершенно исключительная нравственная и государственная зрелость, беспартийно-человеческий, исторический, “шекспировский” взгляд на политическую бурю декабря 1825 г.» [Франк, 1990, с. 406].

Особый интерес по теме этюда Франка вызывают его наблюдения над фактами взаимоотношений поэта и Николая I, историко-биографический сюжет, подвергнутый советской пушкинистикой умышленному искажению. Новый

царь для Пушкина ни в какое сравнение не идет с Александром I, к которому у поэта была личная неприязнь. И несмотря на то, что Николай I его «отдал под внешне вежливую, но унижительную и придирчиво-враждебную опеку Бенкендорфа [Франк, 1990, с. 407], фактический полицейский надзор над личной жизнью и рукописями, Пушкин «сохранял искреннее доброе чувство к царю» [Франк, 1990, с. 407]. «Умеренная записка» «О народном образовании» вызвала «пренебрежительную похвалу царя, но и строжайшую нотацию о вредности увлечения “безнравственным и беспокойным” просвещением» [Франк, 1990, с. 407]. А Пушкин предложил образование русского юношества за границей лишь как действенную меру, одну из объективных ценностей. Попытка Пушкина сбросить с себя тяготивший его мундир камер-юнкера вызвала негодование царя, поэт «должен был просить прощения» [Франк, 1990, с. 407]. В дневнике Пушкина 21 мая 1834 года появилась запись на французском языке: «Кто-то сказал о Государе: “Il y a beaucoup de praporchique en lui, et un peu du Pierre le Grand”¹²» [Пушкин, 1959–1962, т. 7, с. 333]¹³. Еще много будет неприятностей, интриг и «безнравственностей» по отношению к поэту, в которых был замешан император. Франк хорошо осведомлен о советских работах на эту тему: «Выражения трогательной преданности царю на смертном одре безусловно должны быть признаны достоверными, несмотря на попытку Щеголева (“Дуэль и смерть Пушкина”) опорочить их источник» [Франк, 1990, с. 408].

Когда же складывается у Пушкина «глубоко государственное, изумительно мудрое и трезвое сознание, сочетающее принципиальный консерватизм с принципами уважения к свободе личности и к культурному совершенствованию» [Франк, 1990, с. 408]? Поэт говорит о 1826 годе, «существенном переломе своих идей» [Франк, 1990, с. 408], в письме к П. А. Осиповой-Вульф от 26 декабря 1835 года, отмечая десятилетие декабрьского восстания.

Не ограничиваясь развитием политической мысли Пушкина, Франк приступает к «систематическому обзору основных догматов политической веры поэта» [Франк, 1990, с. 409], привлекая важнейшие пушкинские тексты.

Философ дает свое определение политического мировоззрения поэта: «Национально-патриотическое умонастроение, оформленное как *государственное* сознание» [Франк, 1990, с. 409]. Пушкин остался верен идеалам поколения 1812–1815 годов, тогда как многие сверстники поэта к концу 1820-х — в

¹² «В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого» (*фр.*).

¹³ В предисловии к брошюре Франка П. Б. Струве отмечает: «Приписывает этот афоризм самому Пушкину Щеголев, но из текста пушкинского “Дневника” это вовсе не вытекает». (...) Пушкин с негодованием отверг бы самое это слово, придуманное иностранцами, врагами России» [Струве, 1998, с. 195].

1830-е годы утратили «государственно-патриотическое сознание», прельстившись «сентиментальным космополитизмом и государственным безмыслием» [Франк, 1990, с. 409]. Это были «озлобленные люди, не любящие Россию» (В. С. Печерин). Пушкина критикуют друзья — П. А. Вяземский и А. Тургенев — за его отношение к польскому восстанию 1831 года¹⁴. В то время как одобряют позицию поэта П. Я. Чаадаев и некоторые декабристы. В ответ (неотправленный) на его «Философическое письмо» Пушкин в октябре 1836 года предложил «гениальную критику сурового приговора Чаадаева над русской историей и культурой в его “философическом письме”» [Франк, 1990, с. 410].

Франк более подробно останавливается на «Отрывке из неизданных записок дамы. 1811 год» (начало «Рославлева», 1831), на образе «одиноким героической девушки — Полины» [Франк, 1990, с. 411]. Она, Татьяна Ларина, тургеневские девушки «нравственной правдивостью, героизмом, жертвенностью превосходят окружающих их тонко образованных, но слабовольных, эгоистических и духовно надломленных мужчин» [Франк, 1990, с. 411]. Движет героинями «государственный патриотизм, боль и тревога за судьбу России, чувство национальной гордости и презрение к людям, чуждым этому чувству» [Франк, 1990, с. 411]. Как это близко самому Пушкину!

Как справедливо подмечает Франк, поэт не пытается привносить в русскую жизнь политические доктрины других государств: «Будучи западником, он очень хорошо понимал коренное отличие истории России от истории Запада...» [Франк, 1990, с. 411]. И если в отношении Франции Пушкин допускал «умеренный конституционализм», то в России он был «скорее сторонником самодержавной монархии» [Франк, 1990, с. 412]¹⁵.

Необыкновенно ценным материалом для историка русской мысли является систематизация Франком консервативных и либеральных тенденций в творчестве Пушкина, потому что пушкинский консерватизм «проникнут либеральными началами» [Франк, 1990, с. 412].

Сначала скажем о *консерватизме* поэта. По мнению Франка, в этом умонастроении Пушкина можно вычленить три основных момента. Во-первых, в его творчестве утверждается культ национально мыслящих исторических

¹⁴ Франк выделяет «умную и основательную статью» «Польское восстание по письмам Пушкина» Михаила Дмитриевича Беляева (1884–1955), музеоведа, создателя Музея-квартиры А. С. Пушкина. См.: [Письма Пушкина к Е. М. Хитрово, 1927, с. 257–300]. В статье Франка в инициалах М. Д. Беляева опечатка [Франк, 1990, с. 410].

¹⁵ С. А. Кибальник, ставя под сомнение концепцию либерального консерватизма П. Б. Струве и С. Л. Франка в отношении к Пушкину и находясь под влиянием леволиберальной и антигосударственной традиции истолкования творчества поэта, пишет о «глубочайшем разочаровании Пушкина в русской власти и общественном устройстве (...), в слабости общественных изменений, но монархии и лично Николая I» [Кибальник, 2012, с. 97].

личностей, причем не только российских. Это и Петр Великий, и полководцы разных эпох, и Наполеон. Франк упоминает «Историю Петра Великого», стихотворение «Полководец» (1835), оду «Наполеон» (1821). Во-вторых, Пушкин сохраняет «пиетет к историческому прошлому»: «любовь к родному пепелищу» и «отеческим гробам». Речь идет о сохранении традиций, семейных, родовых. Выражением этого является, по Пушкину, «уважение к старинному родовому дворянству как носителю культурно-исторического преемства страны» [Франк, 1990, с. 413]. Поэт много раз задумывался о ценности старых дворянских родов, неизменно и с гордостью причисляя себя к ним, как в «Моей родословной». Дед Пушкина «в князя не прыгал из хохлов» [Пушкин, 1959–1962, т. 2, с. 330]. Имеются в виду не только светлейший князь и канцлер А. А. Безбородко, но и новые малороссийские «дворянчики», такие как изображенные Гоголем Иваны Ивановичи и Иваны Никифоровичи. Служивое дворянство хорошо, но Пушкин боролся за наследственное дворянство как за «твердыню духовной независимости» [Франк, 1990, с. 317]. «Демократическое наводнение» опасно, разночинцы расшатывают прочность сословного порядка. Как пример из художественных текстов о дворянстве Франк особенно выделяет «Отрывки из романа в письмах» («Роман в письмах»). В-третьих, Пушкин заботится о мирном и непрерывном культурном и политическом развитии, без бунтов и революционных потрясений. Франк в связи с этим цитирует его «Мысли на дороге» («Путешествие из Москвы в Петербург») и заметки «О дворянстве» («Заметки о русском дворянстве»).

Либеральное в политической мысли Пушкина прямо вытекает из консервативного. Либерализм Пушкина, на первый взгляд, классический: «Требование личной независимости и свобода культурного и духовного творчества» [Франк, 1990, с. 414]. Но он дуалистичен, так как может осуществляться только с соблюдением принципа монархической государственной власти (для России!)¹⁶. Пушкин «не дорожит» одним из основополагающих завоеваний либерализма — правом на активное участие в политической жизни. «Он требует лишь духовной независимости личности, простора и нестесненности духовной жизни и творчества» [Франк, 1990, с. 415]. Франк ссылается на стихотворение «Из Пиндемонти» (1836). По-особому Пушкин решает вопрос о цензуре. Он «требует ясного разграничения цензурного контроля от эстетической и моральной опеки» [Франк, 1990, с. 415]. Из культа домашнего очага, «моих

¹⁶ Очень точно о понятии свободы у Пушкина высказался В. Ю. Даренский: «Его свобода — это пребывание в “естественном”, до-политическом состоянии. В этом смысле и монархия воспринимается как способ защиты от политики. Отношение к монархии основано на *принципе чести, служения и доверия*, а не выгоды» [Даренский, 2017, с. 929].

пенатов», семьи рождается у Пушкина требование «независимости личности в частной жизни» [Франк, 1990, с. 415]. Судьба самого поэта отразилась в его признании в письме к жене от 3 июня 1834 года: «Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности (*inviolabilité de la famille*)¹⁷ невозможно: каторга не в пример лучше» [Пушкин, 1959–1962, т. 10, с. 184]. Для человека, особенно дворянина, важнее всего сохранить «независимость и честь». «Наследственность дворянства есть гарантия его независимости», однако Пушкин «резко отвергает все эгоистические сословные притязания дворянства» [Франк, 1990, с. 417].

Все эти либеральные принципы образуют «прочный правопорядок», консервативный по сути.

По сравнению с «Историческими замечаниями» 1822 года Пушкин в зрелые годы изменил свое отношение к царской династии: «Со времен восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно» [Пушкин, 1959–1962, т. 6, с. 379] («Мысли на дороге»); «правительство все-таки единственный Европейец в России» [Пушкин, 1969, с. 156] (черновик письма к П. Я. Чаадаеву, 19 октября 1836 года). В монархии заключен культурный прогресс. «Можно сказать, — пишет Франк, — что этот взгляд Пушкина на прогрессивную роль монархии в России есть некоторый уникум в истории русской политической мысли XIX века. Он не имеет ничего общего ни с официальным монархизмом самих правительственных кругов, ни с романтическим, априорно-философским монархизмом славянофилов, ни с монархизмом реакционного типа. Вера Пушкина в монархию основана на историческом размышлении и государственной мудрости и связана с любовью к свободе и культуре» [Франк, 1990, с. 418]. Монархия сделалась революционной, когда Петр Великий, по Пушкину, был «одновременно Робеспьером и Наполеоном. (Воплощенной революцией.) [(фр.)]» [Пушкин, 1959–1962, т. 6, с. 355] («Заметки о русском дворянстве»).

Одна пушкинская мысль «против опасности цезаристски-демократического деспотизма» [Франк, 1990, с. 420] лейтмотивом проходит в этюде Франка. Вначале она возникла в его размышлениях над «Историческими замечаниями» Пушкина как «идея антилиберального “народнического” демократизма» [Франк, 1990, с. 402]. Потом она проявилась в оценке роли наследственного дворянства. В «Исторических замечаниях» читаем: «...хитрость государей торжествовала над честолубием вельмож» [Пушкин, 1959–1962, т. 7, с. 192].

¹⁷ «Неприкосновенность семьи» (фр.).

В позднейших публицистических заметках прямо противоположное мнение: «Феодализма у нас не было, и тем хуже (курсив С. Л. Франка. — А. Г.)» [Пушкин, 1959–1962, т. 6, с. 323]; «Место феодализма заступила *аристократия*» [цит. по: Анненков, 2016, с. 90]. Так случилось в России, и это определило гибель царского режима: «Где нет независимых сословий, там господствует равенство и развращающий деспотизм» [Франк, 1990, с. 420]. Пушкин выступает здесь консерватором, для которого «общим и основным мотивом» «является борьба с уравнительным демократическим радикализмом, с “якобинством”» [Франк, 1990, с. 420]. Демократизм, по Пушкину, вырождается в деспотию. Этой мысли придерживался и Франк, придавая ей «пророческое значение» для последующих эпох русской истории.

Список источников

Аляев Г. Е. Познание Пушкина: философская пушкиниана Семена Франка // Аляев Г. Е. Русская философия вокруг С. Л. Франка: Избранные статьи. М.: Модест Колеров, 2020. С. 222–242.

Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 486 с.

Вестник. Орган церковно-общественной жизни. Париж, 1937. № 3–4. 33 с.

Водовозов В. В. Политические и общественные взгляды Пушкина в последний период его жизни // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. С. А. Венгерова. Петроград: Брокгауз — Ефрон, 1915. Т. 6. С. 368–389.

Даренский В. Ю. Мировоззренческие основы поэтики А. С. Пушкина в анализе С. Франка // Вестн. Удмуртского ун-та. Сер. «История и филология». Ижевск, 2017. Т. 27, вып. 6. С. 922–931.

Кибальник С. С. Л. Франк и его статья «Пушкин как политический мыслитель» // Слово. Ру: Балтийский акцент. Калининград, 2012. Т. 3, № 1. С. 96–100.

Мальчукова Т. Г. Возвращаясь к С.Л. Франку... // Слово. Ру: Балтийский акцент. Калининград, 2012. Т. 3, № 1. С. 71–73.

Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово, 1827–1832. Л.: Изд. АН СССР, 1927. 400 с. (Труды Пушкинского Дома. Вып. 48).

Письмо П. Б. Струве к С. Л. Франку, 14 февраля 1937, Белград // VAR. Ms. Coll / S. L. Frank. Box 3. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University, New York, USA.

Письмо П. Б. Струве к С. Л. Франку, 19 июля 1937, Белград // VAR. Ms. Coll / S. L. Frank. Box 3. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University, New York, USA.

Пушкин А. С. Письма / под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. Л.; М.: Государственное изд-во, 1926. Т. 1: 1815–1825. XLVIII, 539 с.

Пушкин А. С. Письма последних лет. 1834–1837. Ленинград: Наука, 1969. 528 с.

Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. М.: Худож. лит., 1959–1962. 10 т.

Струве П. <О политических взглядах Пушкина> // «В краю чужом...». Зарубежная Россия и Пушкин / сост., вступ. ст. и коммент. М. Филина. М.: Русский мир; Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. С. 194–198.

Томашевский Б. В. Пушкин: Работы разных лет. М.: Книга, 1990. 672 с.

Франк С. Л. Пушкин как политический мыслитель / с предисл. и дополнениями П. Б. Струве. Белград: Б/изд., 1937. 50 с. (Сер. «Вопросы истории и культуры»).

Франк С. Л. Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX — первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 396–422.

Часовой: орган связи русского воинства и национального движения за рубежом. Двухнедельный журнал / ред.-издатель В. В. Орехов. Париж; Брюссель. 5 июля 1937. № 193. 24 с.

References

Alyayev, G. Ye. (2020) “Poznaniye Pushkina: filosofskaya pushkiniana Semena Franka” [“Understanding Pushkin: Semyon Frank's Philosophical Pushkiniana”], in Alyayev, G. Ye. *Russkaya filosofiya vokrug S. L. Franka: Izbrannyye stat'i* [Russian Philosophy around S. L. Frank: Selected Articles]. Moscow: Modest Kolerov, pp. 222–242.

Annenkov, P. V. (2016) *Pushkin v Aleksandrovskeyu epokhu* [Pushkin in the Alexander Era]. Moscow; Berlin: Direkt-Media.

Vestnik. Organ tserkovno-obshchestvennoy zhizni [Herald. Organ of Church and Public Life] (1937) 3–4, Paris.

Vodovozov, V. V. (1915) “Politicheskiye i obshchestvennyye vzglyady Pushkina v posledniy period yego zhizni” [“Pushkin's Political and Social Views in the Last Period of his Life”], in Pushkin, A. S. *Sobranie sochinenii: v 6 tomakh* [Collected Works: in 6 vols. Vol. 6]. Ed. by S. A. Vengerov. Petrograd: Brokgauz — Yefron, pp.368–389.

Darenskiy, V. Yu. (2017) “Mirovozzrencheskiye osnovy poetiki A. S. Pushkina v analize S. Franka” [“Ideological Foundations of the Poetics of A. S. Pushkin in the Analysis of S. Franka”], *Vestnik Udmurtskogo un-ta. Ser. «Istoriya i filologiya»*, Izhevsk, 27(6), pp. 922–931.

Kibal'nik, S. (2012) "S. L. Frank i yego stat'ya «Pushkin kak politicheskiy myslitel'»" ["S. L. Frank and his Article 'Pushkin as a Political Thinker'"], *Slovo. Ru: Baltiyskiy aktsent*, Kaliningrad, 3(1), pp. 96–100.

Mal'chukova, T. G. (2012) "Vozvrashchayas' k S. L. Franku..." ["Returning to S. L. Frank..."], *Slovo. Ru: Baltiyskiy aktsent*, Kaliningrad, 3(1), pp. 71–73.

Pis'ma Pushkina k Yelizavete Mikhaylovne Khitrovo, 1827–1832 [Pushkin's Letters to Elizaveta Mikhailovna Khitrovo, 1827–1832] (1927) Leningrad: Izdaniye AN USSR. (Trudy Pushkinskogo Doma. Vyp. 48.).

"Pis'mo P. B. Struve k S. L. Franku, 14 fevralya 1937, Belgrad" ["Letter from P. V. Struve to S. L. Frank, February 14, 1937, Belgrade"], in *BAR. Ms. Coll. S. L. Frank. Box 3. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University, New York, USA.*

"Pis'mo P. B. Struve k S. L. Franku, 19 iyulya 1937, Belgrad" ["Letter from P. V. Struve to S. L. Frank, July 19, 1937, Belgrade"], in *BAR. Ms. Coll. S. L. Frank. Box 3. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University, New York, USA.*

Pushkin, A. S. (1926) *Pis'ma. Tom 1: 1815–1825* [Letters. Vol. 1: 1815–1825]. Ed. and comments by B. L. Modzalevskii. Leningrad; Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo.

Pushkin, A. S. (1959–1962) *Sobranie sochinenii: V 10 tomakh* [Collected Works: In 10 vols] (10 vols). Under general ed. by D. D. Blagoi, S. M. Bondi, V. V. Vinogradov, Yu. G. Oksman. Moscow: Khudozh. lit.

Pushkin, A. S. (1969) *Pis'ma poslednikh let. 1834–1837* [Letters of the Last Years. 1834–1837]. Leningrad: Nauka.

Struve, P. (1998) "<O politicheskikh vzglyadakh Pushkina>" ["<On Pushkin's Political Views>"], in «*V krayu chuzhom...*». *Zarubezhnaya Rossiya i Pushkin* ["In a Foreign Land...". *Russia Abroad and Pushkin*]. Comp., preface and comments by M. Filin. Moscow: Russkiy mir; Rybinsk: Rybin-skoye podvor'ye, pp. 194–198.

Tomashevsky, B. V. (1990) *Pushkin: Raboty raznykh let* [Pushkin: Works of Different Years]. Moscow: Kniga.

Frank, S. L. (1937) *Pushkin kak politicheskiy myslitel'* [Pushkin as a Political Thinker]. With preface and additions by P. B. Struve. Belgrad. (Seriya «Voprosy istorii i kul'tury»).

Frank, S. L. (1990) "Pushkin kak politicheskiy myslitel'" ["Pushkin as a Political Thinker"], in *Pushkin v russkoy filosofskoy kritike. Konets XIX — pervaya polovina XX v.* [Pushkin in Russian Philosophical Criticism. Late 20th — first half of the 20th century]. Moscow: Kniga, pp. 396–422.

Chasovoy: organ svyazi russkogo voynstva i natsional'nogo dvizheniya za ru-bezhom. Dvukhne-del'nyy zhurnal [The Sentry: A Liaison Organ of the Russian Army and the National Movement Abroad. A Bi-weekly Journal] (1937) Ed. by V. V. Orekhov. 5 July, 193. Paris; Brussels.

Информация об авторе: Алексей Алексеевич Гапоненков — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского». Адрес: Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Information about the author: Alexey A. Gaponenkov — DSc in Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature at the Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky. Address: 83 Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.08.2024;
одобрена после рецензирования 01.09.2024;
принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 01.08.2024;
approved after reviewing 01.09.2024;
accepted for publication 10.09.2024.